

Северная армия, возглавляемая лично Чжу Ди, в первой прямой стычке с Южной армией под командованием Те Сюаня лишь ненадолго вступила в бой и затем сразу же отступила. Караул Дояня потерял почти сотню человек. Попад в огневую засаду, они были уничтожены без остатка.

Сильный ливень стал огромным подспорьем. Чжу Ди намеревался воспользоваться моментом для штурма города, но Те Сюань мгновенно принял решение и немедленно отвёл многочисленные войска в Цзинань.

Благодаря несокрушимым стенам снаружи и двумстам тысячам императорских войск внутри, город Цзинань практически превратился в неприступную крепость.

Но Чжу Ди отличался нравом от обычных генералов. Шэн Юн, Те Сюань и Ли Цзинлун могли позволить себе тянуть время, а он — нет. В тот же день после полудня Чжу Ди собрал все армейские пушки Шэнью и обрушил на город Цзинань шквальный огонь.

— Если ты потратишь все снаряды здесь, что мы будем делать, когда придёт время штурмовать Интяньфу?!

Оглушительный грохот пушек заставил Чжу Цюаня почти кричать в ухо Чжу Ди.

— Четвёртый брат! Лучшая тактика — осада города!

Чжу Ди правой рукой поглаживал нефритовый перстень на большом пальце левой. Сквозь оглушающий гром пушек он смотрел на Цзинань. Бесчисленные ядра вылетали из его позиций и обрушивались на стены, оставляя чёрные как смоль следы порохового дыма.

Артиллеристы с тыловых позиций в панике доложили весть. Выслушав их, Чжу Цюань снова заорал на Чжу Ди:

— Дула орудий слишком перегрелись! Невозможно продолжать штурм!

Чжу Ди холодно бросил:

— Нельзя давать Шэн Юну время на восстановление стен.

— Пушки взорвутся! — вне себя от гнева, Чжу Цюань схватил Чжу Ди за ворот и закричал: — Четвёртый брат! Выслушай меня!

— В городе ещё двести тысяч солдат Ли Цзинлуна! Даже если ты разрушишь стены, это бесполезно! Если начнется сражение на равнине, выигранного времени хватит, чтобы полностью восстановить стены...

В тот самый момент в тыловых позициях их армии произошла серия взрывов. Стволы орудий перегрелись, и был достигнут предел при закладке пороха. Несколько пушек Шэнью одновременно взорвались, уничтожив часть лагеря.

Чжу Ди схватил Чжу Цюаня за шею, прижал его к дереву и проревел:

— Заткнись! Сегодня Лао-цзы вытащит Ли Цзинлуна и предаст его казни тысячи надразов! Лучше потрать время на то, чтобы придумать, как штурмовать город, вместо того, чтобы докучать меня болтовней! Катись отсюда!

Чжу Цюань не ожидал, что сегодня Чжу Ди будет вести бой совсем не в своём обычном стиле. Он одновременно и торопился, и сердился, а потому раздражённо взмахнул рукавом и мрачно ушел.

Тоба Фэн пропал, что лишило их способного полководца. Послать людей ночью тайно проникнуть в город теперь тоже было невозможно. К тому же судьба Юньци оставалась неизвестной, и Чжу Ди не имел возможности объясниться перед Сюй Вэнь. Его настроение донельзя испортилось.

Видя, как стены Цзинаня постепенно рушатся, а с верхних уровней башен летят осколки черепицы и кирпича, Чжу Ди прикинул, что ещё через два шичэня непрерывного обстрела стены будут пробиты. Однако их пушки уже достигли предела, и требовалось охладить их. Тогда он отдал приказ всей армии временно отдохнуть и подготовиться к сражению на равнине после прорыва городских стен.

— Где Чжу Цюань? — спросил Чжу Ди. Он долго ждал, но Чжу Цюань так и не пришел.

Подчинённый доложил, что три кэ назад Нин-ван покинул лагерь и с двумя сотнями телохранителей направился на запад.

— Этот ублюдок, — сквозь зубы процедил Чжу Ди. — Куда он опять потащился?

После того, как артиллерийский отряд отдохнул, Чжу Ди больше не мог обращать внимания на Чжу Цюаня. Он поспешно принял командование караулом Дояня, развернул войска у стен Цзинаня и громко провозгласил:

— Те Сюань! Сейчас твой Цзинань находится на грани гибели! Немедленно сдавайся этому князю, и я пощажу жизни всех горожан!

На городской стене появилась фигура — это был Те Сюань.

Императорская армия Чжу Юньвэня и мятежные войска Пекина, возглавляемые Чжу Ди, наконец получили возможность для первого прямого диалога.

Чжу Цюань отсутствовал всё утро и наконец вернулся как раз в момент столкновения двух армий.

Чжу Ди не спросил, где он был. Чжу Цюань тоже промолчал и лишь спросил:

Чжу Ди не спросил, где он был. Чжу Цюань тоже промолчал и лишь спросил:

— Хочешь убедить их сдаться?

— Хочешь убедить их сдаться?

Чжу Ди прищурился, разглядывая вдали Те Сюаня, стоящего на городской стене, и медленно кивнул.

Чжу Ди прищурился, разглядывая вдали Те Сюаня, стоящего на городской стене, и медленно кивнул.

— Я сам это сделаю, — сказал Чжу Цюань, засучив рукава.

— Я сам это сделаю, — сказал Чжу Цюань, засучив рукава.

— Не надо, позволь этому князю.

— Не надо, позволь этому князю.

— Давай я, Те Сюань известен своими колкостями, в споре ты ему не соперник...

— Давай я, Те Сюань известен своими колкостями, в споре ты ему не соперник...

— Я сам! — Чжу Ди рассердился и снова потянулся, чтобы схватить Чжу Цюаня за загривок.

— Я сам! — Чжу Ди рассердился и снова потянулся, чтобы схватить Чжу Цюаня за загривок.

Чжу Цюаню пришлось уступить:

Чжу Цюаню пришлось уступить:

— Прошу, князь-сюн...

— Прощу, князь-сюн...

Те Сюань громко произнёс:

Те Сюань громко произнёс:

— Янь-ван, будучи удельным военачальником, ты обладаешь мощной армией, но не подчиняешься императорскому двору. Вместо этого ты поднял мятеж и сеешь смуту внутри страны, ставишь нашу Великую Мин на грань гибели! И ты ещё смеешь показываться передо мной?!

— Янь-ван, будучи удельным военачальником, ты обладаешь мощной армией, но не подчиняешься императорскому двору. Вместо этого ты поднял мятеж и сеешь смуту внутри страны, ставишь нашу Великую Мин на грань гибели! И ты ещё смеешь показываться передо мной?!

Чжу Ди с насмешкой ответил:

Чжу Ди с насмешкой ответил:

— При дворе завелись льстецы и подлецы... — С этими словами он почтительно поклонился на север. — Этот князь, действуя по завещанию Тайцзу, выступил с армией для усмирения смуты. Пока при дворе не будут искоренены коварные чиновники, у этого князя не будет причин отзывать войска.

— При дворе завелись льстецы и подлецы... — С этими словами он почтительно поклонился на север. — Этот князь, действуя по завещанию Тайцзу, выступил с армией для усмирения смуты. Пока при дворе не будут искоренены коварные чиновники, у этого князя не будет причин отзывать войска.

Между двумя армиями повисло молчание. Такие призывы к сдаче были лишь формальностью, и Чжу Ди особо не надеялся на успех. Однако Те Сюань молчал. Вскоре его стройная фигура появилась на вершине городской стены, одежды развевались на ветру. Он небрежно снял с плеча предмет, который оказался длинным луком в половину человеческого роста.

Между двумя армиями повисло молчание. Такие призывы к сдаче были лишь формальностью, и Чжу Ди особо не надеялся на успех. Однако Те Сюань молчал. Вскоре его стройная фигура появилась на вершине городской стены, одежды развевались на ветру. Он небрежно снял с плеча предмет, который оказался длинным луком в половину человеческого роста.

Прямо на глазах у сотен тысяч людей Те Сюань издали натянул тетиву. Телохранители вокруг Чжу Ди побледнели от ужаса. Две армии разделяли почти четыре сотни шагов. Что Те Сюань задумал?!

Прямо на глазах у сотен тысяч людей Те Сюань издалика натянул тетиву. Телохранители вокруг Чжу Ди побледнели от ужаса. Две армии разделяли почти четыре сотни шагов. Что Те Сюань задумал?!

Лук изогнулся полной луной, и стрела вылетела подобно падающей звезде. Со свистом она сорвалась с городской стены и, неся силу арбалета весом в десять тысяч цзюней, устремилась к Северной армии! Затем она вонзилась в оглоблю повозки Чжу Ди. На хвостовой части была прикреплена записка.

Лук изогнулся полной луной, и стрела вылетела подобно падающей звезде. Со свистом она сорвалась с городской стены и, неся силу арбалета весом в десять тысяч цзюней, устремилась к Северной армии! Затем она вонзилась в оглоблю повозки Чжу Ди. На хвостовой части была прикреплена записка.

Те Сюань громко провозгласил:

Те Сюань громко провозгласил:

— Что правда, а что ложь, пусть будут судить потомки. Мы же преданно служим стране и готовы положить за нее жизни. Весь Цзинань предпочтет умереть, но не сдать!

— Что правда, а что ложь, пусть будут судить потомки. Мы же преданно служим стране и готовы положить за нее жизни. Весь Цзинань предпочтет умереть, но не сдать!

С этими словами он спрыгнул с городской стены, и его фигура скрылась из виду.

С этими словами он спрыгнул с городской стены, и его фигура скрылась из виду.

Слуга снял записку со стрелы и подал её Чжу Ди. Это было «Рассуждение о Чжоу-гуне, помогающем Чэн-вану*».

Слуга снял записку со стрелы и подал её Чжу Ди. Это было «Рассуждение о Чжоу-гуне, помогающем Чэн-вану*».

* Регентство Чжоу-гуна при малолетнем Чэн-ване — это исторический период в начале династии Западная Чжоу, когда Чжоу-гун Цзи Дань помогал править своему племяннику, чжоускому Чэн-вану. После смерти от болезни У-вана, царя Чжоу, Чэн-ван взошел на престол в малолетнем возрасте, и Чжоу-гун в течение семи лет правил в качестве регента. За это время он подавил мятеж, покорил восточные племена, переселил оставшееся население Инь-Шан в Лои и начал строительство восточной столицы Чэнчжоу. Когда Чэн-вану исполнилось двадцать лет, Чжоу-гун вернул ему бразды правления. Таким образом, Чжоу-гун считается образцом верного чиновника и регента.

* Регентство Чжоу-гуна при малолетнем Чэн-ване — это исторический период в начале династии Западная Чжоу, когда Чжоу-гун Цзи Дань помогал править своему племяннику, чжоускому Чэн-вану. После смерти от болезни У-вана, царя Чжоу, Чэн-ван взошел на престол в малолетнем возрасте, и Чжоу-гун в течение семи лет правил в качестве регента. За это время он подавил мятеж, покорил восточные племена, переселил оставшееся население Инь-Шан в Лои и начал строительство восточной столицы Чэнчжоу. Когда Чэн-вану исполнилось двадцать лет, Чжоу-гун вернул ему бразды правления. Таким образом, Чжоу-гун считается образцом верного чиновника и регента.

Чжу Ди опустил голову. Пока он читал письмо, его лицо то мрачнело, то светлело. Чжу Цюань усмехнулся:

Чжу Ди опустил голову. Пока он читал письмо, его лицо то мрачнело, то светлело. Чжу Цюань усмехнулся:

— Этот малый всегда был искусен в красноречии.

— Этот малый всегда был искусен в красноречии.

Чжу Ди прочёл вслух:

Чжу Ди прочёл вслух:

— Чжоу-гун предстал перед Шао-гуном... Младший брат, а как читается этот иероглиф?

— Чжоу-гун предстал перед Шао-гуном... Младший брат, а как читается этот иероглиф?

Чжу Цюань смущённо ответил:

Чжу Цюань смущённо ответил:

— Ши, Шао-гун Ши.

— Ши, Шао-гун Ши.

Чжу Ди буркнул:

Чжу Ди буркнул:

— Что за ерунда!

— Что за ерунда!

С этими словами он смял письмо в комок, выбросил его и закричал:

С этими словами он смял письмо в комок, выбросил его и закричал:

— Не хотят сдаваться, и не надо! Пушки, разнесите их к чертям, огонь!

— Не хотят сдаваться, и не надо! Пушки, разнесите их к чертям, огонь!

Чжу Цюань не знал, плакать ему или смеяться, думая о том, что все таланты и знания Те Сюаня пропали впустую — он словно пытался учить собаку.

Чжу Цюань не знал, плакать ему или смеяться, думая о том, что все таланты и знания Те Сюаня пропали впустую — он словно пытался учить собаку.

В ту же минуту разом ударили тысячи орудий, пронзив небо, словно божественные молнии. Городская стена Цзинаня не выдержала непрерывного обстрела и начала постепенно рушиться. Через мгновение на вершине пролома взвилось знамя с иероглифом «Чжу»: у защитников снова появилась новая тактика.

В ту же минуту разом ударили тысячи орудий, пронзив небо, словно божественные молнии. Городская стена Цзинаня не выдержала непрерывного обстрела и начала постепенно рушиться. Через мгновение на вершине пролома взвилось знамя с иероглифом «Чжу»: у защитников снова появилась новая тактика.

Чжу Ди, не обращая внимания, приказал продолжить яростный обстрел. Но стоило Тэ Сюаню вновь подняться на городские ворота, держа в руках какой-то предмет, как тысяча пушек Шэньу разом замолчали.

Чжу Ди, не обращая внимания, приказал продолжить яростный обстрел. Но стоило Тэ Сюаню вновь подняться на городские ворота, держа в руках какой-то предмет, как тысяча пушек Шэньу разом замолчали.

Чжу Цюань покатился со смеху, а Чжу Ди застыл на месте, не зная, что делать.

Чжу Цюань покатился со смеху, а Чжу Ди застыл на месте, не зная, что делать.

Предмет, который нёс Те Сюань, оказался табличкой с посмертным именем Чжу Юаньчжана!

Предмет, который нёс Те Сюань, оказался табличкой с посмертным именем Чжу Юаньчжана!

— Янь-ван явился по завещанию Тайцзу?! — голос Те Сюаня разнёсся по всему полю.

— Янь-ван явился по завещанию Тайцзу?! — голос Те Сюаня разнёсся по всему полю.

Чжу Ди тут же не посмел продолжать обстрел. Он приказал прекратить огонь, пребывая в нерешительности*.

Чжу Ди тут же не посмел продолжать обстрел. Он приказал прекратить огонь, пребывая в нерешительности*.

* Досл. «взяв в руку шашку, не решаться [куда её поставить]» (□□□□).

* Досл. «взяв в руку шашку, не решаться [куда её поставить]» (□□□□).

Как только пушки смолкли, за спиной Те Сюаня установили несколько поминальных табличек: начиная от отца Чжу Юаньчжана, Чжу Ции, заканчивая императрицей Ма, покойным наследным принцем Чжу Бяо и другими. Родовые таблички раскачивались, создавая впечатляющее зрелище.

Как только пушки смолкли, за спиной Те Сюаня установили несколько поминальных табличек: начиная от отца Чжу Юаньчжана, Чжу Ции, заканчивая императрицей Ма, покойным наследным принцем Чжу Бяо и другими. Родовые таблички раскачивались, создавая впечатляющее зрелище.

Чжу Цюань уже заходился от смеха:

Чжу Цюань уже заходился от смеха:

— Четвёртый брат, теперь ты не можешь больше стрелять, иначе весь народ Поднебесной забросает тебя проклятиями...

— Четвёртый брат, теперь ты не можешь больше стрелять, иначе весь народ Поднебесной забросает тебя проклятиями...

Чжу Ди словно получил издали пощёчину. Вот-вот Цзинань должен был пасть, и в этот момент Те Сюань выкинул такой фокус. Что и говорить, босому нечего бояться обутого; наконец-то Чжу Ди встретил кого-то, кто оказался ещё более отчаянным негодяем, чем он сам.

Чжу Ди словно получил издали пощёчину. Вот-вот Цзинань должен был пасть, и в этот момент Те Сюань выкинул такой фокус. Что и говорить, босому нечего бояться обутого; наконец-то Чжу Ди встретил кого-то, кто оказался ещё более отчаянным негодяем, чем он сам.

Насмеявшись вдоволь, Чжу Цюань наконец принял серьёзный вид и сказал:

Насмеявшись вдоволь, Чжу Цюань наконец принял серьёзный вид и сказал:

Насмеявшись вдоволь, Чжу Цюань наконец принял серьёзный вид и сказал:

— Ничего страшного. Я только что придумал другой план, с помощью него Цзинань можно взять за три дня.

— Ничего страшного. Я только что придумал другой план, с помощью него Цзинань можно взять за три дня.

— Ничего страшного. Я только что придумал другой план, с помощью него Цзинань можно взять за три дня.

Только тогда Чжу Ди вспомнил, что утром Чжу Цюань ушёл, не попрощавшись, и спросил:

Только тогда Чжу Ди вспомнил, что утром Чжу Цюань ушёл, не попрощавшись, и спросил:

Только тогда Чжу Ди вспомнил, что утром Чжу Цюань ушёл, не попрощавшись, и спросил:

— Где ты был утром?

— Где ты был утром?

— Где ты был утром?

Утром Чжу Цюань ушёл, чтобы найти приток Хуанхэ и заложить вдоль дамбы множество взрывчатки. Он поручил телохранителям строго охранять это место, рассчитывая: если Чжу Ди так и не сможет взять город и израсходует все боеприпасы, тогда можно будет взорвать плотину и затопить Цзинань.

Утром Чжу Цюань ушёл, чтобы найти приток Хуанхэ и заложить вдоль дамбы множество взрывчатки. Он поручил телохранителям строго охранять это место, рассчитывая: если Чжу Ди так и не сможет взять город и израсходует все боеприпасы, тогда можно будет взорвать плотину и затопить Цзинань.

Утром Чжу Цюань ушёл, чтобы найти приток Хуанхэ и заложить вдоль дамбы множество взрывчатки. Он поручил телохранителям строго охранять это место, рассчитывая: если Чжу Ди так и не сможет взять город и израсходует все боеприпасы, тогда можно будет взорвать плотину и затопить Цзинань.

Чжу Ди немного подумал и произнес:

Чжу Ди немного подумал и произнес:

Чжу Ди немного подумал и произнес:

— Этот способ годится только для устрашения. Нельзя по-настоящему спускать воду на Цзинань. Иначе, даже если Лао-цзы станет императором, но погубит столько людей, на троне ему будет сидеть беспокойно. Придворные летописцы в будущем точно заклеят меня позором.

— Этот способ годится только для устрашения. Нельзя по-настоящему спускать воду на Цзинань. Иначе, даже если Лао-цзы станет императором, но погубит столько людей, на троне ему будет сидеть беспокойно. Придворные летописцы в будущем точно заклеят меня позором.

— Этот способ годится только для устрашения. Нельзя по-настоящему спускать воду на Цзинань. Иначе, даже если Лао-цзы станет императором, но погубит столько людей, на троне ему будет сидеть беспокойно. Придворные летописцы в будущем точно заклеят меня позором.

Чжу Цюань улыбнулся:

Чжу Цюань улыбнулся:

Чжу Цюань улыбнулся:

— Как скажешь, решай сам.

— Как скажешь, решай сам.

— Как скажешь, решай сам.

Чжу Ди долго размышлял, а затем отдал распоряжение:

Чжу Ди долго размышлял, а затем отдал распоряжение:

Чжу Ди долго размышлял, а затем отдал распоряжение:

— Ладно, сначала затопим один раз Цзинань, а потом залатаем дамбу. Нельзя взрывать ее полностью.

— Ладно, сначала затопим один раз Цзинань, а потом залатаем дамбу. Нельзя взрывать ее полностью.

— Ладно, сначала затопим один раз Цзинань, а потом залатаем дамбу. Нельзя взрывать ее полностью.

В одиннадцатом месяце на берегу озера Даминху дул унылый осенний ветер.

В одиннадцатом месяце на берегу озера Даминху дул унылый осенний ветер.

В одиннадцатом месяце на берегу озера Даминху дул унылый осенний ветер.

Тоба Фэн, одной рукой поддерживая подбородок Юньци, уложил его лицом на своё колено и пальцами другой руки массировал главные жизненные точки на его спине. Юньци со звуком «буэ» выплюнул тёмный сгусток крови.

Тоба Фэн, одной рукой поддерживая подбородок Юньци, уложил его лицом на своё колено и пальцами другой руки массировал главные жизненные точки на его спине. Юньци со звуком «буэ» выплюнул тёмный сгусток крови.

Тоба Фэн, одной рукой поддерживая подбородок Юньци, уложил его лицом на своё колено и пальцами другой руки массировал главные жизненные точки на его спине. Юньци со звуком «буэ» выплюнул тёмный сгусток крови.

Тоба Фэн опустил его на землю, взял деревянную миску, которую во время похода привязывал к седлу, зачерпнул из озера полную чашу мутной воды, разжал Юньци рот и влил её внутрь. Затем он снова надавил на его спину, и Юньци опять сильно вырвало.

Тоба Фэн опустил его на землю, взял деревянную миску, которую во время похода привязывал к седлу, зачерпнул из озера полную чашу мутной воды, разжал Юньци рот и влил её внутрь. Затем он снова надавил на его спину, и Юньци опять сильно вырвало.

Тоба Фэн опустил его на землю, взял деревянную миску, которую во время похода привязывал к седлу, зачерпнул из озера полную чашу мутной воды, разжал Юньци рот и влил её внутрь. Затем он снова надавил на его спину, и Юньци опять сильно вырвало.

Повторив это несколько раз, пока Юньци уже нечем было рвать, Тоба Фэн наконец молча посмотрел на него, и его глаза наполнились слезами.

Повторив это несколько раз, пока Юньци уже нечем было рвать, Тоба Фэн наконец молча посмотрел на него, и его глаза наполнились слезами.

Повторив это несколько раз, пока Юньци уже нечем было рвать, Тоба Фэн наконец молча посмотрел на него, и его глаза наполнились слезами.

— Тебе лучше? — голос Тоба Фэна дрожал.

— Тебе лучше? — голос Тоба Фэна дрожал.

— Тебе лучше? — голос Тоба Фэна дрожал.

Измученный Юньци опустил голову на грудь Тоба Фэна и потерял сознание.

Измученный Юньци опустил голову на грудь Тоба Фэна и потерял сознание.

Измученный Юньци опустил голову на грудь Тоба Фэна и потерял сознание.

Тоба Фэн, держа запястье Юньци, осторожно поднял его и усадил на лошадь. Он положил одну руку ему на спину, а другой взял поводья и медленно двинулся в путь.

Тоба Фэн, держа запястье Юньци, осторожно поднял его и усадил на лошадь. Он положил одну руку ему на спину, а другой взял поводья и медленно двинулся в путь.

Тоба Фэн, держа запястье Юньци, осторожно поднял его и усадил на лошадь. Он положил одну руку ему на спину, а другой взял поводья и медленно двинулся в путь.

Уровень воды в озере Даминху поднялся невероятно высоко. Весь в крови и грязи, Тоба Фэн шёл по кромке воды, то проваливаясь, то выбираясь. Его взгляд был рассеянным, а он сам напевал песню.

Уровень воды в озере Даминху поднялся невероятно высоко. Весь в крови и грязи, Тоба Фэн шёл по кромке воды, то проваливаясь, то выбираясь. Его взгляд был рассеянным, а он сам напевал песню.

Уровень воды в озере Даминху поднялся невероятно высоко. Весь в крови и грязи, Тоба Фэн шёл по кромке воды, то проваливаясь, то выбираясь. Его взгляд был рассеянным, а он сам напевал песню.

— Я люблю тебя, а ты любишь меня,

— Я люблю тебя, а ты любишь меня,

— Я люблю тебя, а ты любишь меня,

— Я люблю тебя, а ты любишь меня,

Пламя чувств согревает сильнее огня...

Пламя чувств согревает сильнее огня...

Пламя чувств согревает сильнее огня...

Пламя чувств согревает сильнее огня...

Усталый голос Юньци продолжил:

Усталый голос Юньци продолжил:

Усталый голос Юньци продолжил:

Усталый голос Юньци продолжил:

— Кусок глины возьми, нас обоих слепи,

— Кусок глины возьми, нас обоих слепи,

— Кусок глины возьми, нас обоих слепи,

— Кусок глины возьми, нас обоих слепи,

На осколки разбей и в воде раствори*...

На осколки разбей и в воде раствори*...

На осколки разбей и в воде раствори*...

На осколки разбей и в воде раствори*...

* Известное стихотворение Гуань Даошэн (1262-1319) — поэтессы, художницы и каллиграфистки. В зрелые годы красота Гуань Даошэн начала увядать, и ей трудно было вернуть себе молодость; длительное занятие различными семейными и общественными делами привело к тому, что «лунный блеск» её лица начал тускнеть, мысли стали более зрелыми, характер стал раздражительным, и её муж был готов взять наложницу. В этот решающий момент брачного кризиса она изящно и со всей серьёзностью изложила свои чувства в стихотворении. Когда её муж увидел это стихотворение, он был глубоко поражен и с тех пор больше никогда не думал о том, чтобы взять наложницу.

* Известное стихотворение Гуань Даошэн (1262-1319) — поэтессы, художницы и каллиграфистки. В зрелые годы красота Гуань Даошэн начала увядать, и ей трудно было вернуть себе молодость; длительное занятие различными семейными и общественными делами привело к тому, что «лунный блеск» её лица начал тускнеть, мысли стали более зрелыми, характер стал раздражительным, и её муж был готов взять наложницу. В этот решающий момент брачного кризиса она изящно и со всей серьёзностью изложила свои чувства в стихотворении. Когда её муж увидел это стихотворение, он был глубоко поражен и с тех пор больше никогда не думал о том, чтобы взять наложницу.

* Известное стихотворение Гуань Даошэн (1262-1319) — поэтессы, художницы и каллиграфистки. В зрелые годы красота Гуань Даошэн начала увядать, и ей трудно было вернуть себе молодость; длительное занятие различными семейными и общественными делами привело к тому, что «лунный блеск» её лица начал тускнеть, мысли стали более зрелыми, характер стал раздражительным, и её муж был готов взять наложницу. В этот решающий момент брачного кризиса она изящно и со всей серьёзностью изложила свои чувства в стихотворении. Когда её муж увидел это стихотворение, он был глубоко поражен и с тех пор больше никогда не думал о том, чтобы взять наложницу.

* Известное стихотворение Гуань Даошэн (1262-1319) — поэтессы, художницы и каллиграфистки. В зрелые годы красота Гуань Даошэн начала увядать, и ей трудно было вернуть себе молодость; длительное занятие различными семейными и общественными делами привело к тому, что «лунный блеск» её лица начал тускнеть, мысли стали более зрелыми, характер стал раздражительным, и её муж был готов взять наложницу. В этот решающий момент брачного кризиса она изящно и со всей серьёзностью изложила свои чувства в стихотворении. Когда её муж увидел это стихотворение, он был глубоко поражен и с тех пор больше никогда не думал о том, чтобы взять наложницу.

— Ты ещё помнишь песню, которую пела шинянь.

— Ты ещё помнишь песню, которую пела шинянь.

— Ты ещё помнишь песню, которую пела шинянь.

— Ты ещё помнишь песню, которую пела шинянь.

— Угу.

— Угу.

— Угу.

— Угу.

Тоба Фэн шагал без остановки, бесцельно бредя вперёд, и глухо спросил:

Тоба Фэн шагал без остановки, бесцельно бредя вперёд, и глухо спросил:

Тоба Фэн шагал без остановки, бесцельно бредя вперёд, и глухо спросил:

Тоба Фэн шагал без остановки, бесцельно бредя вперёд, и глухо спросил:

— Тебе лучше?

— Тебе лучше?

— Тебе лучше?

— Тебе лучше?

Юньци что-то невнятно пробормотал в ответ. Большая рука Тоба Фэна мягко похлопала его по спине, и это напомнило Юньци о том, как в детстве Сюй Вэнь убаюкивала его своими поглаживаниями.

Юньци что-то невнятно пробормотал в ответ. Большая рука Тоба Фэна мягко похлопала его по спине, и это напомнило Юньци о том, как в детстве Сюй Вэнь убаюкивала его своими поглаживаниями.

Юньци что-то невнятно пробормотал в ответ. Большая рука Тоба Фэна мягко похлопала его по спине, и это напомнило Юньци о том, как в детстве Сюй Вэнь убаюкивала его своими поглаживаниями.

Юньци что-то невнятно пробормотал в ответ. Большая рука Тоба Фэна мягко похлопала его по спине, и это напомнило Юньци о том, как в детстве Сюй Вэнь убаюкивала его своими поглаживаниями.

— Который сейчас час... — с трудом выпрямившись, спросил Юньци: — Почему вода в озере так поднялась?

— Который сейчас час... — с трудом выпрямившись, спросил Юньци: — Почему вода в озере так поднялась?

— Который сейчас час... — с трудом выпрямившись, спросил Юньци: — Почему вода в озере так поднялась?

— Который сейчас час... — с трудом выпрямившись, спросил Юньци: — Почему вода в озере так поднялась?

Увядшие листья лотоса плавали на поверхности воды. Покачиваясь на холодном ветру, они дрейфовали к стволам османтусовых деревьев. Вода доходила лошади до колен. Тоба Фэн, шлёпая по воде, вошёл в рощу и растерянно произнёс:

Увядшие листья лотоса плавали на поверхности воды. Покачиваясь на холодном ветру, они дрейфовали к стволам османтусовых деревьев. Вода доходила лошади до колен. Тоба Фэн, шлёпая по воде, вошёл в рощу и растерянно произнёс:

Увядшие листья лотоса плавали на поверхности воды. Покачиваясь на холодном ветру, они дрейфовали к стволам османтусовых деревьев. Вода доходила лошади до колен. Тоба Фэн, шлёпая по воде, вошёл в рощу и растерянно произнёс:

Увядшие листья лотоса плавали на поверхности воды. Покачиваясь на холодном ветру, они дрейфовали к стволам османтусовых деревьев. Вода доходила лошади до колен. Тоба Фэн, шлёпая по воде, вошёл в рощу и растерянно произнёс:

— Ши-гэ бесполезен.

— Ши-гэ бесполезен.

— Ши-гэ бесполезен.

— Ши-гэ бесполезен.

Юньци фыркнул со смеху и произнес:

Юньци фыркнул со смеху и произнес:

Юньци фыркнул со смеху и произнес:

Юньци фыркнул со смеху и произнес:

— Есть что-нибудь поесть? Умираю с голоду.

— Есть что-нибудь поесть? Умираю с голоду.

— Есть что-нибудь поесть? Умираю с голоду.

— Есть что-нибудь поесть? Умираю с голоду.

Тоба Фэн потер свой живот:

Тоба Фэн потер свой живот:

Тоба Фэн потер свой живот:

Тоба Фэн потер свой живот:

— Нет. Огниво промокло, не могу разжечь огонь. Найти несколько лягушек? Съедем их сырыми.

— Нет. Огниво промокло, не могу разжечь огонь. Найти несколько лягушек? Съедем их сырыми.

— Нет. Огниво промокло, не могу разжечь огонь. Найти несколько лягушек? Съедем их сырыми.

— Нет. Огниво промокло, не могу разжечь огонь. Найти несколько лягушек? Съедем их сырыми.

Юньци чуть снова не вырвало, и он поспешно ответил:

Юньци чуть снова не вырвало, и он поспешно ответил:

Юньци чуть снова не вырвало, и он поспешно ответил:

Юньци чуть снова не вырвало, и он поспешно ответил:

— Ладно, забудь о том, что я сказал.

— Ладно, забудь о том, что я сказал.

— Ладно, забудь о том, что я сказал.

— Ладно, забудь о том, что я сказал.

Уши Тоба Фэна дёрнулись, он настороженно уловил какой-то звук и сказал:

Уши Тоба Фэна дёрнулись, он настороженно уловил какой-то звук и сказал:

Уши Тоба Фэна дёрнулись, он настороженно уловил какой-то звук и сказал:

Уши Тоба Фэна дёрнулись, он настороженно уловил какой-то звук и сказал:

— Жди здесь.

— Жди здесь.

— Жди здесь.

— Жди здесь.

Раздвинув ветви, он увидел среди бескрайней водной глади павильон.

Раздвинув ветви, он увидел среди бескрайней водной глади павильон.

Раздвинув ветви, он увидел среди бескрайней водной глади павильон.

Раздвинув ветви, он увидел среди бескрайней водной глади павильон.

Из него доносились звуки струн и флейты, мелодия свирели мягко разливалась по водной поверхности. Тоба Фэн, уцепившись за ветку, несколько мгновений смотрел вдаль, затем бесшумно вошёл в воду и поплыл к павильону.

Из него доносились звуки струн и флейты, мелодия свирели мягко разливалась по водной поверхности. Тоба Фэн, уцепившись за ветку, несколько мгновений смотрел вдаль, затем бесшумно вошёл в воду и поплыл к павильону.

Из него доносились звуки струн и флейты, мелодия свирели мягко разливалась по водной

поверхности. Тоба Фэн, уцепившись за ветку, несколько мгновений смотрел вдаль, затем бесшумно вошёл в воду и поплыл к павильону.

Из него доносились звуки струн и флейты, мелодия свирели мягко разливалась по водной поверхности. Тоба Фэн, уцепившись за ветку, несколько мгновений смотрел вдаль, затем бесшумно вошёл в воду и поплыл к павильону.

Внутри явно шёл пир, а вокруг плавало пять-шесть лодок, на каждой из которых находилась личная охрана. Верхний и нижний залы были разделены: внизу исполнительницы из Цзяофана* играли на флейтах, а наверху пировали несколько чиновников, распивая вино.

Внутри явно шёл пир, а вокруг плавало пять-шесть лодок, на каждой из которых находилась личная охрана. Верхний и нижний залы были разделены: внизу исполнительницы из Цзяофана* играли на флейтах, а наверху пировали несколько чиновников, распивая вино.

Внутри явно шёл пир, а вокруг плавало пять-шесть лодок, на каждой из которых находилась личная охрана. Верхний и нижний залы были разделены: внизу исполнительницы из Цзяофана* играли на флейтах, а наверху пировали несколько чиновников, распивая вино.

Внутри явно шёл пир, а вокруг плавало пять-шесть лодок, на каждой из которых находилась личная охрана. Верхний и нижний залы были разделены: внизу исполнительницы из Цзяофана* играли на флейтах, а наверху пировали несколько чиновников, распивая вино.

* Управление Цзяофан (冢部) — это государственное учреждение, существовавшее в период между династиями Тан и Мин, которое отвечало за музыку, танцы, развлечения и обучение артистов при императорском дворе.

* Управление Цзяофан (冢部) — это государственное учреждение, существовавшее в период между династиями Тан и Мин, которое отвечало за музыку, танцы, развлечения и обучение артистов при императорском дворе.

* Управление Цзяофан (冢部) — это государственное учреждение, существовавшее в период между династиями Тан и Мин, которое отвечало за музыку, танцы, развлечения и обучение артистов при императорском дворе.

* Управление Цзяофан (冢部) — это государственное учреждение, существовавшее в период между династиями Тан и Мин, которое отвечало за музыку, танцы, развлечения и обучение артистов при императорском дворе.

Вымокший Тоба Фэн вынырнул в слепой зоне охраны, вытер лицо и мгновенно скрылся за ширмой.

Вымокший Тоба Фэн вынырнул в слепой зоне охраны, вытер лицо и мгновенно скрылся за

ширмой.

Вымокший Тоба Фэн вынырнул в слепой зоне охраны, вытер лицо и мгновенно скрылся за ширмой.

Вымокший Тоба Фэн вынырнул в слепой зоне охраны, вытер лицо и мгновенно скрылся за ширмой.

Музыкантша, игравшая на флейте, чуть не вскрикнула, но Тоба Фэн быстро закрыл ей рот, а затем медленно отпустил.

Музыкантша, игравшая на флейте, чуть не вскрикнула, но Тоба Фэн быстро закрыл ей рот, а затем медленно отпустил.

Музыкантша, игравшая на флейте, чуть не вскрикнула, но Тоба Фэн быстро закрыл ей рот, а затем медленно отпустил.

Музыкантша, игравшая на флейте, чуть не вскрикнула, но Тоба Фэн быстро закрыл ей рот, а затем медленно отпустил.

Он мягко улыбнулся:

Он мягко улыбнулся:

Он мягко улыбнулся:

Он мягко улыбнулся:

— Вы допустили одну ошибку в нотах «Лунной ночи среди цветов на весенней реке*».

— Вы допустили одну ошибку в нотах «Лунной ночи среди цветов на весенней реке*».

— Вы допустили одну ошибку в нотах «Лунной ночи среди цветов на весенней реке*».

— Вы допустили одну ошибку в нотах «Лунной ночи среди цветов на весенней реке*».

* Лунная ночь среди цветов на весенней реке (□□□□□) — поэма танского поэта Чжан Жосюя.

* Лунная ночь среди цветов на весенней реке (□□□□□) — поэма танского поэта Чжан Жосюя.

* Лунная ночь среди цветов на весенней реке (□□□□□) — поэма танского поэта Чжан Жосюя.

* Лунная ночь среди цветов на весенней реке (□□□□□) — поэма танского поэта Чжан Жосюя.

С этими словами он обвил руками нежную шею флейтистки, его длинные пальцы указали на нужное место в нотах и мягко направили её тонкую руку к отверстию на флейте.

С этими словами он обвил руками нежную шею флейтистки, его длинные пальцы указали на нужное место в нотах и мягко направили её тонкую руку к отверстию на флейте.

С этими словами он обвил руками нежную шею флейтистки, его длинные пальцы указали на нужное место в нотах и мягко направили её тонкую руку к отверстию на флейте.

С этими словами он обвил руками нежную шею флейтистки, его длинные пальцы указали на нужное место в нотах и мягко направили её тонкую руку к отверстию на флейте.

— Прошу, девушка, продолжайте.

— Прошу, девушка, продолжайте.

— Прошу, девушка, продолжайте.

— Прошу, девушка, продолжайте.

На лице исполнительницы выступил слабый румянец. Увидев, что этот видный мужчина не таит дурных намерений, она снова заиграла на флейте.

На лице исполнительницы выступил слабый румянец. Увидев, что этот видный мужчина не таит дурных намерений, она снова заиграла на флейте.

На лице исполнительницы выступил слабый румянец. Увидев, что этот видный мужчина не таит дурных намерений, она снова заиграла на флейте.

На лице исполнительницы выступил слабый румянец. Увидев, что этот видный мужчина не таит дурных намерений, она снова заиграла на флейте.

Тоба Фэн поднял голову и легко подпрыгнул. Ухватившись за балку, он прижался к потолку и услышал знакомый голос.

Тоба Фэн поднял голову и легко подпрыгнул. Ухватившись за балку, он прижался к потолку и услышал знакомый голос.

Тоба Фэн поднял голову и легко подпрыгнул. Ухватившись за балку, он прижался к потолку и услышал знакомый голос.

Тоба Фэн поднял голову и легко подпрыгнул. Ухватившись за балку, он прижался к потолку и услышал знакомый голос.

Ли Цзинлун со вздохом произнёс:

Ли Цзинлун со вздохом произнёс:

Ли Цзинлун со вздохом произнёс:

Ли Цзинлун со вздохом произнёс:

— Господин Те, вот так мастерство! Жаль только, что этот предатель сумел ускользнуть. Давайте, давайте, поднимем тост за вас.

— Господин Те, вот так мастерство! Жаль только, что этот предатель сумел ускользнуть. Давайте, давайте, поднимем тост за вас.

— Господин Те, вот так мастерство! Жаль только, что этот предатель сумел ускользнуть. Давайте, давайте, поднимем тост за вас.

— Господин Те, вот так мастерство! Жаль только, что этот предатель сумел ускользнуть. Давайте, давайте, поднимем тост за вас.

— Господин Те, вот так мастерство! Жаль только, что этот предатель сумел ускользнуть. Давайте, давайте, поднимем тост за вас.

Те Сюань ответил:

Те Сюань ответил:

Те Сюань ответил:

Те Сюань ответил:

Те Сюань ответил:

— Пришлось пойти на вынужденные меры.

— Пришлось пойти на вынужденные меры.

— Пришлось пойти на вынужденные меры.

— Пришлось пойти на вынужденные меры.

— Пришлось пойти на вынужденные меры.

Тоба Фэн нахмурился, думая: «Неужели Чжу Ди тоже попал в западню?»

Тоба Фэн нахмурился, думая: «Неужели Чжу Ди тоже попал в западню?»

Тоба Фэн нахмурился, думая: «Неужели Чжу Ди тоже попал в западню?»

Тоба Фэн нахмурился, думая: «Неужели Чжу Ди тоже попал в западню?»

Тоба Фэн нахмурился, думая: «Неужели Чжу Ди тоже попал в западню?»

Тут раздался другой, старческий голос:

Тут раздался другой, старческий голос:

Тут раздался другой, старческий голос:

Тут раздался другой, старческий голос:

Тут раздался другой, старческий голос:

— Господин Те, ради спасения нашего гарнизона и мирных жителей вы притворились, что сдаёте город и повели всех на ложную капитуляцию. Любой умный человек ни за что бы этому не поверил, но Чжу Ди заносчив и самонадеян, так что в будущем он непременно потерпит поражение.

— Господин Те, ради спасения нашего гарнизона и мирных жителей вы притворились, что сдаёте город и повели всех на ложную капитуляцию. Любой умный человек ни за что бы этому не поверил, но Чжу Ди заносчив и самонадеян, так что в будущем он непременно потерпит поражение.

— Господин Те, ради спасения нашего гарнизона и мирных жителей вы притворились, что сдаёте город и повели всех на ложную капитуляцию. Любой умный человек ни за что бы этому

не поверил, но Чжу Ди заносчив и самонадеян, так что в будущем он непременно потерпит поражение.

— Господин Те, ради спасения нашего гарнизона и мирных жителей вы притворились, что сдаёте город и повели всех на ложную капитуляцию. Любой умный человек ни за что бы этому не поверил, но Чжу Ди заносчив и самонадеян, так что в будущем он непременно потерпит поражение.

— Господин Те, ради спасения нашего гарнизона и мирных жителей вы притворились, что сдаёте город и повели всех на ложную капитуляцию. Любой умный человек ни за что бы этому не поверил, но Чжу Ди заносчив и самонадеян, так что в будущем он непременно потерпит поражение.

Те Сюань опустил чашу и ответил:

Те Сюань опустил чашу и ответил:

Те Сюань опустил чашу и ответил:

Те Сюань опустил чашу и ответил:

Те Сюань опустил чашу и ответил:

— Нет.

— Нет.

— Нет.

— Нет.

— Нет.

— Чжу Ди согласился отвести свои войска и войти в город всего с пятьюдесятью телохранителями принимать капитуляцию не из-за того, что он заносчив, а потому что поверил моим словам. Он думает, что Те Сюань, как ученый, не станет прибегать к низким уловкам вроде ложной капитуляции. Если бы сегодня сдавался господин Ли, Чжу Ди ни за что бы не поверил и не вошёл бы в город, поскольку если бы главнокомандующий Ли перешёл на сторону противника, в городе всё равно оставались бы я и господин Шэн, и это не имело бы силы.

— Чжу Ди согласился отвести свои войска и войти в город всего с пятьюдесятью

телохранителями принимать капитуляцию не из-за того, что он заносчив, а потому что поверил моим словам. Он думает, что Те Сюань, как ученый, не станет прибегать к низким уловкам вроде ложной капитуляции. Если бы сегодня сдавался господин Ли, Чжу Ди ни за что бы не поверил и не вошёл бы в город, поскольку если бы главнокомандующий Ли перешёл на сторону противника, в городе всё равно оставались бы я и господин Шэн, и это не имело бы силы.

— Чжу Ди согласился отвести свои войска и войти в город всего с пятьюдесятью телохранителями принимать капитуляцию не из-за того, что он заносчив, а потому что поверил моим словам. Он думает, что Те Сюань, как ученый, не станет прибегать к низким уловкам вроде ложной капитуляции. Если бы сегодня сдавался господин Ли, Чжу Ди ни за что бы не поверил и не вошёл бы в город, поскольку если бы главнокомандующий Ли перешёл на сторону противника, в городе всё равно оставались бы я и господин Шэн, и это не имело бы силы.

— Чжу Ди согласился отвести свои войска и войти в город всего с пятьюдесятью телохранителями принимать капитуляцию не из-за того, что он заносчив, а потому что поверил моим словам. Он думает, что Те Сюань, как ученый, не станет прибегать к низким уловкам вроде ложной капитуляции. Если бы сегодня сдавался господин Ли, Чжу Ди ни за что бы не поверил и не вошёл бы в город, поскольку если бы главнокомандующий Ли перешёл на сторону противника, в городе всё равно оставались бы я и господин Шэн, и это не имело бы силы.

— Чжу Ди согласился отвести свои войска и войти в город всего с пятьюдесятью телохранителями принимать капитуляцию не из-за того, что он заносчив, а потому что поверил моим словам. Он думает, что Те Сюань, как ученый, не станет прибегать к низким уловкам вроде ложной капитуляции. Если бы сегодня сдавался господин Ли, Чжу Ди ни за что бы не поверил и не вошёл бы в город, поскольку если бы главнокомандующий Ли перешёл на сторону противника, в городе всё равно оставались бы я и господин Шэн, и это не имело бы силы.

Тоба Фэн всё понял. На пиру присутствовали только Те Сюань, Ли Цзинлун и Шэн Юн. Те Сюань притворился, что сдаётся, чтобы заманить Чжу Ди в город и применить свою коварную уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

Тоба Фэн всё понял. На пиру присутствовали только Те Сюань, Ли Цзинлун и Шэн Юн. Те Сюань притворился, что сдаётся, чтобы заманить Чжу Ди в город и применить свою коварную уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

Тоба Фэн всё понял. На пиру присутствовали только Те Сюань, Ли Цзинлун и Шэн Юн. Те Сюань притворился, что сдаётся, чтобы заманить Чжу Ди в город и применить свою коварную уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

Тоба Фэн всё понял. На пиру присутствовали только Те Сюань, Ли Цзинлун и Шэн Юн. Те Сюань притворился, что сдаётся, чтобы заманить Чжу Ди в город и применить свою коварную уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

Тоба Фэн всё понял. На пиру присутствовали только Те Сюань, Ли Цзинлун и Шэн Юн. Те Сюань притворился, что сдаётся, чтобы заманить Чжу Ди в город и применить свою коварную уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

уловку, однако Чжу Ди невероятно повезло, и он всё же сбежал.

Ли Цзинлун, задетый этим неявным упреком, с обидой сказал:

Ли Цзинлун, задетый этим неявным упреком, с обидой сказал:

Ли Цзинлун, задетый этим неявным упреком, с обидой сказал:

Ли Цзинлун, задетый этим неявным упреком, с обидой сказал:

Ли Цзинлун, задетый этим неявным упреком, с обидой сказал:

— Я же ранее говорил, что подвешивать тяжёлую каменную стелу над городскими воротами — слишком обременительно. Лучше бы стреляли во врага из луков, это было бы эффективнее. Всё же господин Тэ просчитался.

— Я же ранее говорил, что подвешивать тяжёлую каменную стелу над городскими воротами — слишком обременительно. Лучше бы стреляли во врага из луков, это было бы эффективнее. Всё же господин Тэ просчитался.

— Я же ранее говорил, что подвешивать тяжёлую каменную стелу над городскими воротами — слишком обременительно. Лучше бы стреляли во врага из луков, это было бы эффективнее. Всё же господин Тэ просчитался.

— Я же ранее говорил, что подвешивать тяжёлую каменную стелу над городскими воротами — слишком обременительно. Лучше бы стреляли во врага из луков, это было бы эффективнее. Всё же господин Тэ просчитался.

— Я же ранее говорил, что подвешивать тяжёлую каменную стелу над городскими воротами — слишком обременительно. Лучше бы стреляли во врага из луков, это было бы эффективнее. Всё же господин Тэ просчитался.

Те Сюань спокойно ответил:

Те Сюань спокойно ответил:

Те Сюань спокойно ответил:

Те Сюань спокойно ответил:

Те Сюань спокойно ответил:

— У умного на тысячу планов есть один промах*. К счастью, теперь осада Цзинаня снята, и в следующий раз, скорее всего, придётся ждать до начала весны следующего года.

— У умного на тысячу планов есть один промах*. К счастью, теперь осада Цзинаня снята, и в следующий раз, скорее всего, придётся ждать до начала весны следующего года.

— У умного на тысячу планов есть один промах*. К счастью, теперь осада Цзинаня снята, и в следующий раз, скорее всего, придётся ждать до начала весны следующего года.

— У умного на тысячу планов есть один промах*. К счастью, теперь осада Цзинаня снята, и в следующий раз, скорее всего, придётся ждать до начала весны следующего года.

— У умного на тысячу планов есть один промах*. К счастью, теперь осада Цзинаня снята, и в следующий раз, скорее всего, придётся ждать до начала весны следующего года.

* У умного на тысячу планов есть один промах (□□□□□□□□) — ср. и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, и тот спотыкается.

* У умного на тысячу планов есть один промах (□□□□□□□□) — ср. и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, и тот спотыкается.

* У умного на тысячу планов есть один промах (□□□□□□□□) — ср. и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, и тот спотыкается.

* У умного на тысячу планов есть один промах (□□□□□□□□) — ср. и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, и тот спотыкается.

* У умного на тысячу планов есть один промах (□□□□□□□□) — ср. и на старуху бывает проруха; конь о четырех ногах, и тот спотыкается.

Бровь Тоба Фэна дёрнулась. Чжу Ди не смог взять Цзинань и отступил?

Бровь Тоба Фэна дёрнулась. Чжу Ди не смог взять Цзинань и отступил?

Бровь Тоба Фэна дёрнулась. Чжу Ди не смог взять Цзинань и отступил?

Бровь Тоба Фэна дёрнулась. Чжу Ди не смог взять Цзинань и отступил?

Бровь Тоба Фэна дёрнулась. Чжу Ди не смог взять Цзинань и отступил?

Шэн Юн, видя, что лесть на Те Сюаня не действует и он не ест ни мягкое, ни твёрдое*,

поспешил сгладить ситуацию:

Шэн Юн, видя, что лесть на Те Сюаня не действует и он не ест ни мягкое, ни твёрдое*,
поспешил сгладить ситуацию:

Шэн Юн, видя, что лесть на Те Сюаня не действует и он не ест ни мягкое, ни твёрдое*,
поспешил сгладить ситуацию:

Шэн Юн, видя, что лесть на Те Сюаня не действует и он не ест ни мягкое, ни твёрдое*,
поспешил сгладить ситуацию:

Шэн Юн, видя, что лесть на Те Сюаня не действует и он не ест ни мягкое, ни твёрдое*,
поспешил сгладить ситуацию:

— А армейский инспектор Сюй...

— А армейский инспектор Сюй...

— А армейский инспектор Сюй...

— А армейский инспектор Сюй...

— А армейский инспектор Сюй...

* «Не есть ни мягкого, ни твердого (□□□□) — обр. в знач.: не реагировать ни на ласку, ни на угрозы: не поддаваться никакому воздействию.

* «Не есть ни мягкого, ни твердого (□□□□) — обр. в знач.: не реагировать ни на ласку, ни на угрозы: не поддаваться никакому воздействию.

* «Не есть ни мягкого, ни твердого (□□□□) — обр. в знач.: не реагировать ни на ласку, ни на угрозы: не поддаваться никакому воздействию.

* «Не есть ни мягкого, ни твердого (□□□□) — обр. в знач.: не реагировать ни на ласку, ни на угрозы: не поддаваться никакому воздействию.

* «Не есть ни мягкого, ни твердого (□□□□) — обр. в знач.: не реагировать ни на ласку, ни на угрозы: не поддаваться никакому воздействию.

Те Сюань, словно что-то почувствовав, с лёгкой насмешкой произнёс:

Те Сюань, словно что-то почувствовав, с лёгкой насмешкой произнёс:

Те Сюань, словно что-то почувствовав, с лёгкой насмешкой произнёс:

Те Сюань, словно что-то почувствовав, с лёгкой насмешкой произнёс:

Те Сюань, словно что-то почувствовав, с лёгкой насмешкой произнёс:

— Это же главнокомандующий Ли хотел убить его, и он же хотел подать на него жалобу. Раз не удалось его убить, прошу главнокомандующего в будущем взять на себя за это ответственность.

— Это же главнокомандующий Ли хотел убить его, и он же хотел подать на него жалобу. Раз не удалось его убить, прошу главнокомандующего в будущем взять на себя за это ответственность.

— Это же главнокомандующий Ли хотел убить его, и он же хотел подать на него жалобу. Раз не удалось его убить, прошу главнокомандующего в будущем взять на себя за это ответственность.

— Это же главнокомандующий Ли хотел убить его, и он же хотел подать на него жалобу. Раз не удалось его убить, прошу главнокомандующего в будущем взять на себя за это ответственность.

— Это же главнокомандующий Ли хотел убить его, и он же хотел подать на него жалобу. Раз не удалось его убить, прошу главнокомандующего в будущем взять на себя за это ответственность.

Ли Цзинлун содрогнулся, вспомнив, что Сюй Юньци всё же не погиб в их ловушке. Если через несколько дней он, рыдая и причитая, приползёт обратно в Нанкин жаловаться императору, ему самому несдобровать.

Ли Цзинлун содрогнулся, вспомнив, что Сюй Юньци всё же не погиб в их ловушке. Если через несколько дней он, рыдая и причитая, приползёт обратно в Нанкин жаловаться императору, ему самому несдобровать.

Ли Цзинлун содрогнулся, вспомнив, что Сюй Юньци всё же не погиб в их ловушке. Если через несколько дней он, рыдая и причитая, приползёт обратно в Нанкин жаловаться императору, ему самому несдобровать.

Ли Цзинлун содрогнулся, вспомнив, что Сюй Юньци всё же не погиб в их ловушке. Если через несколько дней он, рыдая и причитая, приползёт обратно в Нанкин жаловаться императору, ему самому несдобровать.

Ли Цзинлун содрогнулся, вспомнив, что Сюй Юньци всё же не погиб в их ловушке. Если через несколько дней он, рыдая и причитая, приползёт обратно в Нанкин жаловаться императору, ему самому несдобровать.

Когда Чжу Юньвэнь посылал Те Сюаня, он велел лишь доставить Юньци в столицу, а там уже решать, что делать дальше. Теперь же ни живым, ни мёртвым его не нашли, а Те Сюань полностью снял с себя ответственность. Как же ему отчитываться перед государем?

Когда Чжу Юньвэнь посылал Те Сюаня, он велел лишь доставить Юньци в столицу, а там уже решать, что делать дальше. Теперь же ни живым, ни мёртвым его не нашли, а Те Сюань полностью снял с себя ответственность. Как же ему отчитываться перед государем?

Когда Чжу Юньвэнь посылал Те Сюаня, он велел лишь доставить Юньци в столицу, а там уже решать, что делать дальше. Теперь же ни живым, ни мёртвым его не нашли, а Те Сюань полностью снял с себя ответственность. Как же ему отчитываться перед государем?

Когда Чжу Юньвэнь посылал Те Сюаня, он велел лишь доставить Юньци в столицу, а там уже решать, что делать дальше. Теперь же ни живым, ни мёртвым его не нашли, а Те Сюань полностью снял с себя ответственность. Как же ему отчитываться перед государем?

Когда Чжу Юньвэнь посылал Те Сюаня, он велел лишь доставить Юньци в столицу, а там уже решать, что делать дальше. Теперь же ни живым, ни мёртвым его не нашли, а Те Сюань полностью снял с себя ответственность. Как же ему отчитываться перед государем?

Шэн Юн вставил свое слово:

Шэн Юн вставил свое слово:

Шэн Юн вставил свое слово:

Шэн Юн вставил свое слово:

Шэн Юн вставил свое слово:

— Эй, все мы служим двору, так что в будущем обязательно приложим все усилия, чтобы устранить эту угрозу. По мнению этого старика, давайте сегодня смажем кровью уста и поклянёмся до смерти защищать Цзинань. Когда в будущем армия одержит победу, и император спросит об этом, мы понесём ответственность вместе. Вот и всё.

— Эй, все мы служим двору, так что в будущем обязательно приложим все усилия, чтобы устранить эту угрозу. По мнению этого старика, давайте сегодня смажем кровью уста и поклянёмся до смерти защищать Цзинань. Когда в будущем армия одержит победу, и император спросит об этом, мы понесём ответственность вместе. Вот и всё.

— Эй, все мы служим двору, так что в будущем обязательно приложим все усилия, чтобы устранить эту угрозу. По мнению этого старика, давайте сегодня смажем кровью уста и поклянемся до смерти защищать Цзинань. Когда в будущем армия одержит победу, и император спросит об этом, мы понесём ответственность вместе. Вот и всё.

— Эй, все мы служим двору, так что в будущем обязательно приложим все усилия, чтобы устранить эту угрозу. По мнению этого старика, давайте сегодня смажем кровью уста и поклянемся до смерти защищать Цзинань. Когда в будущем армия одержит победу, и император спросит об этом, мы понесём ответственность вместе. Вот и всё.

— Эй, все мы служим двору, так что в будущем обязательно приложим все усилия, чтобы устранить эту угрозу. По мнению этого старика, давайте сегодня смажем кровью уста и поклянемся до смерти защищать Цзинань. Когда в будущем армия одержит победу, и император спросит об этом, мы понесём ответственность вместе. Вот и всё.

Те Сюань отпил вина и безразлично ответил:

Те Сюань отпил вина и безразлично ответил:

Те Сюань отпил вина и безразлично ответил:

Те Сюань отпил вина и безразлично ответил:

Те Сюань отпил вина и безразлично ответил:

— Коль это предложил Шэн-лао, этот генерал, естественно, подчинится приказу.

— Коль это предложил Шэн-лао, этот генерал, естественно, подчинится приказу.

— Коль это предложил Шэн-лао, этот генерал, естественно, подчинится приказу.

— Коль это предложил Шэн-лао, этот генерал, естественно, подчинится приказу.

— Коль это предложил Шэн-лао, этот генерал, естественно, подчинится приказу.

С этими словами он взял серебряный кинжал со стола, надрезал руку и капнул кровь в вино. Ли Цзинлун же лишь криво улыбнулся и не стал двигаться, явно снова думая о дележке заслуг и наград.

С этими словами он взял серебряный кинжал со стола, надрезал руку и капнул кровь в вино. Ли Цзинлун же лишь криво улыбнулся и не стал двигаться, явно снова думая о дележке заслуг

и наград.

С этими словами он взял серебряный кинжал со стола, надрезал руку и капнул кровь в вино. Ли Цзинлун же лишь криво улыбнулся и не стал двигаться, явно снова думая о дележке заслуг и наград.

С этими словами он взял серебряный кинжал со стола, надрезал руку и капнул кровь в вино. Ли Цзинлун же лишь криво улыбнулся и не стал двигаться, явно снова думая о дележке заслуг и наград.

С этими словами он взял серебряный кинжал со стола, надрезал руку и капнул кровь в вино. Ли Цзинлун же лишь криво улыбнулся и не стал двигаться, явно снова думая о дележке заслуг и наград.

Ли Цзинлун произнёс:

Ли Цзинлун произнёс:

Ли Цзинлун произнёс:

Ли Цзинлун произнёс:

Ли Цзинлун произнёс:

— Ладно уж, этот генерал сам будет отвечать за свои поступки. Сюй Юньци действительно...

— Ладно уж, этот генерал сам будет отвечать за свои поступки. Сюй Юньци действительно...

— Ладно уж, этот генерал сам будет отвечать за свои поступки. Сюй Юньци действительно...

— Ладно уж, этот генерал сам будет отвечать за свои поступки. Сюй Юньци действительно...

— Ладно уж, этот генерал сам будет отвечать за свои поступки. Сюй Юньци действительно...

Не успев закончить фразу, он вдруг вытаращил глаза, разинул рот и долго не мог вымолвить слово «я».

Не успев закончить фразу, он вдруг вытаращил глаза, разинул рот и долго не мог вымолвить слово «я».

Не успев закончить фразу, он вдруг вытаращил глаза, разинул рот и долго не мог вымолвить слово «я».

Не успев закончить фразу, он вдруг вытаращил глаза, разинул рот и долго не мог вымолвить слово «я».

Не успев закончить фразу, он вдруг вытаращил глаза, разинул рот и долго не мог вымолвить слово «я».

Ли Цзинлун дрожал, его рука потянулась к груди. Брови Те Сюаня взметнулись, и он приказал:

Ли Цзинлун дрожал, его рука потянулась к груди. Брови Те Сюаня взметнулись, и он приказал:

Ли Цзинлун дрожал, его рука потянулась к груди. Брови Те Сюаня взметнулись, и он приказал:

Ли Цзинлун дрожал, его рука потянулась к груди. Брови Те Сюаня взметнулись, и он приказал:

Ли Цзинлун дрожал, его рука потянулась к груди. Брови Те Сюаня взметнулись, и он приказал:

— Шэн-лао, отойдите немного назад.

— Шэн-лао, отойдите немного назад.

— Шэн-лао, отойдите немного назад.

— Шэн-лао, отойдите немного назад.

— Шэн-лао, отойдите немного назад.

С этими словами он поднялся, держа в руке вино, и прикрыл собой Шэн Юна.

С этими словами он поднялся, держа в руке вино, и прикрыл собой Шэн Юна.

С этими словами он поднялся, держа в руке вино, и прикрыл собой Шэн Юна.

С этими словами он поднялся, держа в руке вино, и прикрыл собой Шэн Юна.

С этими словами он поднялся, держа в руке вино, и прикрыл собой Шэн Юна.

Шэн Юн лишь почувствовал, что что-то не так, но не понимал, что происходит. Только когда он поднялся из-за низкого столика, то обнаружил, что из груди Ли Цзинлуна торчит кусок сверкающего лезвия.

Шэн Юн лишь почувствовал, что что-то не так, но не понимал, что происходит. Только когда он поднялся из-за низкого столика, то обнаружил, что из груди Ли Цзинлуна торчит кусок сверкающего лезвия.

Шэн Юн лишь почувствовал, что что-то не так, но не понимал, что происходит. Только когда он поднялся из-за низкого столика, то обнаружил, что из груди Ли Цзинлуна торчит кусок сверкающего лезвия.

Шэн Юн лишь почувствовал, что что-то не так, но не понимал, что происходит. Только когда он поднялся из-за низкого столика, то обнаружил, что из груди Ли Цзинлуна торчит кусок сверкающего лезвия.

Шэн Юн лишь почувствовал, что что-то не так, но не понимал, что происходит. Только когда он поднялся из-за низкого столика, то обнаружил, что из груди Ли Цзинлуна торчит кусок сверкающего лезвия.

Исполнительница внизу самозабвенно играла на флейте, как вдруг ощутила тепло на шее и потянулась рукой проверить.

Исполнительница внизу самозабвенно играла на флейте, как вдруг ощутила тепло на шее и потянулась рукой проверить.

Исполнительница внизу самозабвенно играла на флейте, как вдруг ощутила тепло на шее и потянулась рукой проверить.

Исполнительница внизу самозабвенно играла на флейте, как вдруг ощутила тепло на шее и потянулась рукой проверить.

Исполнительница внизу самозабвенно играла на флейте, как вдруг ощутила тепло на шее и потянулась рукой проверить.

Лезвие меча Сючунь чуть повернулось, и кровь брызнула на голову музыкантши внизу.

Лезвие меча Сючунь чуть повернулось, и кровь брызнула на голову музыкантши внизу.

Лезвие меча Сючунь чуть повернулось, и кровь брызнула на голову музыкантши внизу.

Лезвие меча Сючунь чуть повернулось, и кровь брызнула на голову музыкантши внизу.

Лезвие меча Сючунь чуть повернулось, и кровь брызнула на голову музыкантши вниз.

— Убийца! — громко завопила женщина. Бросив инструмент, она побежала прочь из здания. Едва прозвучал крик, как следом раздался другой, и с грохотом в дощатом полу второго этажа кулаком была пробита дыра!

— Убийца! — громко завопила женщина. Бросив инструмент, она побежала прочь из здания. Едва прозвучал крик, как следом раздался другой, и с грохотом в дощатом полу второго этажа кулаком была пробита дыра!

— Убийца! — громко завопила женщина. Бросив инструмент, она побежала прочь из здания. Едва прозвучал крик, как следом раздался другой, и с грохотом в дощатом полу второго этажа кулаком была пробита дыра!

— Убийца! — громко завопила женщина. Бросив инструмент, она побежала прочь из здания. Едва прозвучал крик, как следом раздался другой, и с грохотом в дощатом полу второго этажа кулаком была пробита дыра!

— Убийца! — громко завопила женщина. Бросив инструмент, она побежала прочь из здания. Едва прозвучал крик, как следом раздался другой, и с грохотом в дощатом полу второго этажа кулаком была пробита дыра!

Тоба Фэн легко выпрыгнул вперёд, выхватил меч Сючунь и изящно встряхнул его. Кровь хлынула дождём, брызнув в чарку Те Сюаня.

Тоба Фэн легко выпрыгнул вперёд, выхватил меч Сючунь и изящно встряхнул его. Кровь хлынула дождём, брызнув в чарку Те Сюаня.

Тоба Фэн легко выпрыгнул вперёд, выхватил меч Сючунь и изящно встряхнул его. Кровь хлынула дождём, брызнув в чарку Те Сюаня.

Тоба Фэн легко выпрыгнул вперёд, выхватил меч Сючунь и изящно встряхнул его. Кровь хлынула дождём, брызнув в чарку Те Сюаня.

Тоба Фэн легко выпрыгнул вперёд, выхватил меч Сючунь и изящно встряхнул его. Кровь хлынула дождём, брызнув в чарку Те Сюаня.

Возвращая драгоценный клинок в ножны, он позволил безжизненному телу Ли Цзинлуна мягко упасть в пролом и с глухим стуком рухнуть вниз.

Возвращая драгоценный клинок в ножны, он позволил безжизненному телу Ли Цзинлуна мягко упасть в пролом и с глухим стуком рухнуть вниз.

Возвращая драгоценный клинок в ножны, он позволил безжизненному телу Ли Цзинлуна мягко упасть в пролом и с глухим стуком рухнуть вниз.

Возвращая драгоценный клинок в ножны, он позволил безжизненному телу Ли Цзинлуна мягко упасть в пролом и с глухим стуком рухнуть вниз.

Возвращая драгоценный клинок в ножны, он позволил безжизненному телу Ли Цзинлуна мягко упасть в пролом и с глухим стуком рухнуть вниз.

Те Сюань с лёгкой улыбкой в ответ чокнулся чаркой с Шэн Юном и осушил её одним глотком. Отбросив её в сторону, он произнёс:

Те Сюань с лёгкой улыбкой в ответ чокнулся чаркой с Шэн Юном и осушил её одним глотком. Отбросив её в сторону, он произнёс:

Те Сюань с лёгкой улыбкой в ответ чокнулся чаркой с Шэн Юном и осушил её одним глотком. Отбросив её в сторону, он произнёс:

Те Сюань с лёгкой улыбкой в ответ чокнулся чаркой с Шэн Юном и осушил её одним глотком. Отбросив её в сторону, он произнёс:

Те Сюань с лёгкой улыбкой в ответ чокнулся чаркой с Шэн Юном и осушил её одним глотком. Отбросив её в сторону, он произнёс:

— Тоба Фэн?

— Тоба Фэн?

— Тоба Фэн?

— Тоба Фэн?

— Тоба Фэн?

Тоба Фэн даже не посмотрел на Те Сюаня. Его взгляд был устремлён на стол с вином.

Тоба Фэн даже не посмотрел на Те Сюаня. Его взгляд был устремлён на стол с вином.

Тоба Фэн даже не посмотрел на Те Сюаня. Его взгляд был устремлён на стол с вином.

Тоба Фэн даже не посмотрел на Те Сюаня. Его взгляд был устремлён на стол с вином.

Тоба Фэн даже не посмотрел на Те Сюаня. Его взгляд был устремлён на стол с вином.

Краем глаза Те Сюань заметил висящий на стене длинный лук, и в голове у него пронеслись сотни мыслей.

Краем глаза Те Сюань заметил висящий на стене длинный лук, и в голове у него пронеслись сотни мыслей.

Краем глаза Те Сюань заметил висящий на стене длинный лук, и в голове у него пронеслись сотни мыслей.

Краем глаза Те Сюань заметил висящий на стене длинный лук, и в голове у него пронеслись сотни мыслей.

Краем глаза Те Сюань заметил висящий на стене длинный лук, и в голове у него пронеслись сотни мыслей.

От напряжённой атмосферы воздух едва застыл.

От напряжённой атмосферы воздух едва застыл.

От напряжённой атмосферы воздух едва застыл.

От напряжённой атмосферы воздух едва застыл.

От напряжённой атмосферы воздух едва застыл.

Два, один.

Два, один.

Два, один.

Два, один.

Два, один.

Тоба Фэн двинулся! Он принялся собирать со стола вина и кушанья!

Тоба Фэн двинулся! Он принялся собирать со стола вина и кушанья!

Тоба Фэн двинулся! Он принялся собирать со стола вина и кушанья!

Тоба Фэн двинулся! Он принялся собирать со стола вина и кушанья!

Тоба Фэн двинулся! Он принялся собирать со стола вина и кушанья!

«.....»

«.....»

«.....»

«.....»

«.....»

Те Сюань замер на месте.

Те Сюань замер на месте.

Те Сюань замер на месте.

Те Сюань замер на месте.

Те Сюань замер на месте.

Тоба Фэн с невероятной ловкостью снял верхнюю одежду и бросил её на пол. Затем он за мгновение определил на столе, где мясо, а где овощи и выборочно взял жаренных перепёлок, утку «восемь сокровищ*», серебряные рулетики*, жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» и «четыре сокровища*». А на блюда вроде «красноклювого зелёного попугая *» и салата из зелёного лука с тофу, которые Юньци не любил, он даже не взглянул.

Тоба Фэн с невероятной ловкостью снял верхнюю одежду и бросил её на пол. Затем он за мгновение определил на столе, где мясо, а где овощи и выборочно взял жаренных перепёлок, утку «восемь сокровищ*», серебряные рулетики*, жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» и «четыре сокровища*». А на блюда вроде «красноклювого зелёного попугая *» и салата из

зелёного лука с тофу, которые Юньци не любил, он даже не взглянул.

Тоба Фэн с невероятной ловкостью снял верхнюю одежду и бросил её на пол. Затем он за мгновение определил на столе, где мясо, а где овощи и выборочно взял жаренных перепёлок, утку «восемь сокровищ*», серебряные рулетики*, жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» и «четыре сокровища*». А на блюда вроде «красноклювого зелёного попугая *» и салата из зелёного лука с тофу, которые Юньци не любил, он даже не взглянул.

Тоба Фэн с невероятной ловкостью снял верхнюю одежду и бросил её на пол. Затем он за мгновение определил на столе, где мясо, а где овощи и выборочно взял жаренных перепёлок, утку «восемь сокровищ*», серебряные рулетики*, жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» и «четыре сокровища*». А на блюда вроде «красноклювого зелёного попугая *» и салата из зелёного лука с тофу, которые Юньци не любил, он даже не взглянул.

Тоба Фэн с невероятной ловкостью снял верхнюю одежду и бросил её на пол. Затем он за мгновение определил на столе, где мясо, а где овощи и выборочно взял жаренных перепёлок, утку «восемь сокровищ*», серебряные рулетики*, жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» и «четыре сокровища*». А на блюда вроде «красноклювого зелёного попугая *» и салата из зелёного лука с тофу, которые Юньци не любил, он даже не взглянул.

* Утка «восемь сокровищ» (八宝鸭) — тушеная утка, фаршированная рисом и другими китайскими овощами и специями.

* Утка «восемь сокровищ» (八宝鸭) — тушеная утка, фаршированная рисом и другими китайскими овощами и специями.

* Утка «восемь сокровищ» (八宝鸭) — тушеная утка, фаршированная рисом и другими китайскими овощами и специями.

* Утка «восемь сокровищ» (八宝鸭) — тушеная утка, фаршированная рисом и другими китайскими овощами и специями.

* Утка «восемь сокровищ» (八宝鸭) — тушеная утка, фаршированная рисом и другими китайскими овощами и специями.

* Серебряные рулетики (银丝卷) — булочки на пару из тонких ниточек теста.

* Серебряные рулетики (银丝卷) — булочки на пару из тонких ниточек теста.

* Серебряные рулетики (银丝卷) — булочки на пару из тонких ниточек теста.

* Серебряные рулетики (银丝卷) — булочки на пару из тонких ниточек теста.

* Серебряные рулетики (□□□) — булочки на пару из тонких ниточек теста.

* Жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» (□□□□□) — вымышленное блюдо из романа Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», состоящее из пяти видов тонко нарезанного сырого мяса дичи и морепродуктов. Согласно сюжету, ради этого блюда герой Хун Цигун проник в императорский дворец. В данном случае «утки-мандаринки» означает, что сочетаются несколько видов мяса.

* Жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» (□□□□□) — вымышленное блюдо из романа Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», состоящее из пяти видов тонко нарезанного сырого мяса дичи и морепродуктов. Согласно сюжету, ради этого блюда герой Хун Цигун проник в императорский дворец. В данном случае «утки-мандаринки» означает, что сочетаются несколько видов мяса.

* Жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» (□□□□□) — вымышленное блюдо из романа Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», состоящее из пяти видов тонко нарезанного сырого мяса дичи и морепродуктов. Согласно сюжету, ради этого блюда герой Хун Цигун проник в императорский дворец. В данном случае «утки-мандаринки» означает, что сочетаются несколько видов мяса.

* Жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» (□□□□□) — вымышленное блюдо из романа Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», состоящее из пяти видов тонко нарезанного сырого мяса дичи и морепродуктов. Согласно сюжету, ради этого блюда герой Хун Цигун проник в императорский дворец. В данном случае «утки-мандаринки» означает, что сочетаются несколько видов мяса.

* Жаркое «пять деликатесов уток-мандаринок» (□□□□□) — вымышленное блюдо из романа Цзинь Юна «Предания о героях, стреляющих в орлов», состоящее из пяти видов тонко нарезанного сырого мяса дичи и морепродуктов. Согласно сюжету, ради этого блюда герой Хун Цигун проник в императорский дворец. В данном случае «утки-мандаринки» означает, что сочетаются несколько видов мяса.

* Четыре сокровища (□□□) — традиционное знаменитое блюдо кайфэнской кухни. Его особенность заключается в том, что используется целая утка, курица, голубь и перепёлка, которые после удаления костей вкладываются друг в друга: в утку кладут курицу, в курицу голубя, а в голубя перепелку. Всё это фаршируется морским огурцом, грибами сянгун и другими ингредиентами, после чего готовится на пару.

* Четыре сокровища (□□□) — традиционное знаменитое блюдо кайфэнской кухни. Его особенность заключается в том, что используется целая утка, курица, голубь и перепёлка, которые после удаления костей вкладываются друг в друга: в утку кладут курицу, в курицу голубя, а в голубя перепелку. Всё это фаршируется морским огурцом, грибами сянгун и другими ингредиентами, после чего готовится на пару.

* Четыре сокровища (□□□) — традиционное знаменитое блюдо кайфэнской кухни. Его

особенность заключается в том, что используется целая утка, курица, голубь и перепёлка, которые после удаления костей вкладываются друг в друга: в утку кладут курицу, в курицу голубя, а в голубя перепелку. Всё это фаршируется морским огурцом, грибами сянгю и другими ингредиентами, после чего готовится на пару.

* Четыре сокровища (四寶) — традиционное знаменитое блюдо кайфэнской кухни. Его особенность заключается в том, что используется целая утка, курица, голубь и перепёлка, которые после удаления костей вкладываются друг в друга: в утку кладут курицу, в курицу голубя, а в голубя перепелку. Всё это фаршируется морским огурцом, грибами сянгю и другими ингредиентами, после чего готовится на пару.

* Четыре сокровища (四寶) — традиционное знаменитое блюдо кайфэнской кухни. Его особенность заключается в том, что используется целая утка, курица, голубь и перепёлка, которые после удаления костей вкладываются друг в друга: в утку кладут курицу, в курицу голубя, а в голубя перепелку. Всё это фаршируется морским огурцом, грибами сянгю и другими ингредиентами, после чего готовится на пару.

* Красноклювый зелёный попугай (紅嘴綠鸚鵡). Речь не о настоящем попугае, а о шпинате с красным корневищем. Он получил такое название из-за легенды. Когда император Цяньлун путешествовал по южным землям, он со свитой остановился на обед в крестьянском доме. Хозяйка собрала немного шпината и приготовила для императора блюдо из шпината с тофу. Цяньлун нашёл вкус нежным и спросил название блюда. Крестьянка ответила: «Белая яшмовая плита, обрамленная золотом, и красноклювый зелёный попугай». С тех пор у шпината появилось ещё одно название — «зеленый попугай».

* Красноклювый зелёный попугай (紅嘴綠鸚鵡). Речь не о настоящем попугае, а о шпинате с красным корневищем. Он получил такое название из-за легенды. Когда император Цяньлун путешествовал по южным землям, он со свитой остановился на обед в крестьянском доме. Хозяйка собрала немного шпината и приготовила для императора блюдо из шпината с тофу. Цяньлун нашёл вкус нежным и спросил название блюда. Крестьянка ответила: «Белая яшмовая плита, обрамленная золотом, и красноклювый зелёный попугай». С тех пор у шпината появилось ещё одно название — «зеленый попугай».

* Красноклювый зелёный попугай (紅嘴綠鸚鵡). Речь не о настоящем попугае, а о шпинате с красным корневищем. Он получил такое название из-за легенды. Когда император Цяньлун путешествовал по южным землям, он со свитой остановился на обед в крестьянском доме. Хозяйка собрала немного шпината и приготовила для императора блюдо из шпината с тофу. Цяньлун нашёл вкус нежным и спросил название блюда. Крестьянка ответила: «Белая яшмовая плита, обрамленная золотом, и красноклювый зелёный попугай». С тех пор у шпината появилось ещё одно название — «зеленый попугай».

* Красноклювый зелёный попугай (紅嘴綠鸚鵡). Речь не о настоящем попугае, а о шпинате с красным корневищем. Он получил такое название из-за легенды. Когда император Цяньлун путешествовал по южным землям, он со свитой остановился на обед в крестьянском доме. Хозяйка собрала немного шпината и приготовила для императора блюдо из шпината с тофу. Цяньлун нашёл вкус нежным и спросил название блюда. Крестьянка ответила: «Белая яшмовая плита, обрамленная золотом, и красноклювый зелёный попугай». С тех пор у шпината

появилось ещё одно название — «зеленый попугай».

* Красноклювый зеленый попугай (鹦鹉). Речь не о настоящем попугае, а о шпинате с красным корневищем. Он получил такое название из-за легенды. Когда император Цяньлун путешествовал по южным землям, он со свитой остановился на обед в крестьянском доме. Хозяйка собрала немного шпината и приготовила для императора блюдо из шпината с тофу. Цяньлун нашёл вкус нежным и спросил название блюда. Крестьянка ответила: «Белая яшмовая плита, обрамленная золотом, и красноклювый зелёный попугай». С тех пор у шпината появилось ещё одно название — «зеленый попугай».

Вмиг полетели чашки и тарелки, зазвенели миски и палочки. В долю секунды Тоба Фэн уже завязал свой боевой халат узлом, перекинул его через спину и резко оттолкнул сапогом стол. Затем он носком подхватил вращающуюся пиалу и аккуратно надел её себе на голову.

Вмиг полетели чашки и тарелки, зазвенели миски и палочки. В долю секунды Тоба Фэн уже завязал свой боевой халат узлом, перекинул его через спину и резко оттолкнул сапогом стол. Затем он носком подхватил вращающуюся пиалу и аккуратно надел её себе на голову.

Вмиг полетели чашки и тарелки, зазвенели миски и палочки. В долю секунды Тоба Фэн уже завязал свой боевой халат узлом, перекинул его через спину и резко оттолкнул сапогом стол. Затем он носком подхватил вращающуюся пиалу и аккуратно надел её себе на голову.

Вмиг полетели чашки и тарелки, зазвенели миски и палочки. В долю секунды Тоба Фэн уже завязал свой боевой халат узлом, перекинул его через спину и резко оттолкнул сапогом стол. Затем он носком подхватил вращающуюся пиалу и аккуратно надел её себе на голову.

Вмиг полетели чашки и тарелки, зазвенели миски и палочки. В долю секунды Тоба Фэн уже завязал свой боевой халат узлом, перекинул его через спину и резко оттолкнул сапогом стол. Затем он носком подхватил вращающуюся пиалу и аккуратно надел её себе на голову.

Одной рукой Тоба Фэн слегка приподнял миску, открывая глаза, с презрением бросил взгляд на Те Сюаня и холодно произнёс:

Одной рукой Тоба Фэн слегка приподнял миску, открывая глаза, с презрением бросил взгляд на Те Сюаня и холодно произнёс:

Одной рукой Тоба Фэн слегка приподнял миску, открывая глаза, с презрением бросил взгляд на Те Сюаня и холодно произнёс:

Одной рукой Тоба Фэн слегка приподнял миску, открывая глаза, с презрением бросил взгляд на Те Сюаня и холодно произнёс:

Одной рукой Тоба Фэн слегка приподнял миску, открывая глаза, с презрением бросил взгляд

на Те Сюаня и холодно произнёс:

— Те Сюань? До скорой встречи.

— Те Сюань? До скорой встречи.

— Те Сюань? До скорой встречи.

— Те Сюань? До скорой встречи.

— Те Сюань? До скорой встречи.

— Те Сюань? До скорой встречи.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

Затем он развернулся и прыгнул вниз, убегая прочь.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Стража! Убийцааа! — почти в исступлении прокричал Те Сюань.

— Хрип, хрип...

— Хрип, хрип...

— Хрип, хрип...

— Хрип, хрип...

— Хрип, хрип...

— Хрип, хрип...

— За ним! — заорал Те Сюань.

— За ним! — заорал Те Сюань.

— За ним! — заорал Те Сюань.

— За ним! — заорал Те Сюань.

— За ним! — заорал Те Сюань.

— За ним! — заорал Те Сюань.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Многолетние усердные тренировки господина Те в этот момент пошли прахом.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

Тоба Фэн, погружённый по пояс в воду, ловко уворачивался от летящих в спину стрел. Одной рукой придерживая на голове ту самую пиалу, он выбрался на берег и, поджав хвост, в спешке бросился в заросли.

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

— Ха-ха-ха-ха! — Юньци покотился со смеху. — Что это у тебя на голове...

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

Тоба Фэн, запыхавшись от бега, перекинул свёрток через спину лошади, вскочил в седло и чуть не сбросил Юньци с коня своей длинной ногой.

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

— Быстрее, поехали! Я убил Ли Цзинлуна!

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Юньци сначала оцепенел, затем обернулся и увидел в чаще леса чей-то взгляд.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Несколько телохранителей скользили на лодке по озеру Даминху, легко описывая круг. На носу судна стоял Те Сюань, и при развороте он оказался лицом к двум людям, скрывающимся в чаще.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Стрела легла на тетиву, и лук натянулся, как полная луна.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Те Сюань, сосредоточившись, встретился взглядом с Юньци.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Тот, почти не раздумывая, поднял руку и взмахнул рукавом.

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Острая стрела с жужжанием сорвалась с тетивы и полетела точно в спину Тоба Фэна!

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

Кинжал Чаньи сверкнул ослепительно белым светом ей навстречу.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

От силы стрелы дрогнули османтусы вдоль пути. Мириады цветов сорвались с веток и закружились в воздухе.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

В потоке дождя из лепестков ледяная шелковая нить опутала деревянную стрелу.

Тоба Фэн крикнул:

Тоба Фэн крикнул:

Тоба Фэн крикнул:

Тоба Фэн крикнул:

Тоба Фэн крикнул:

Тоба Фэн крикнул:

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

Движимый силой рывка, клинок Чаньи развернулся и порубил деревянную стрелу в щепки. Юньци со смехом прокричал:

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

— Господин Тэ! Когда я вернусь и пожалуюсь на вас императору, он непременно истребит девять ваших поколений!

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Боевой конь громко заржал, вырвался из чащи и помчался галопом на север.

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

Те Сюань снова натянул лук, но уже не мог найти следов двоих беглецов. Он лишь вздохнул и отдал распоряжение:

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Объявить их в розыск и перекрыть все дороги к Пекину, нельзя позволить им сбежать.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

— Сюй Юньци и Тоба Фэн отрезаны от армии и остались без поддержки. Если и на этот раз я вас не схвачу, то пусть истребляют весь мой род до девятого колена, что с того? — холодно усмехнулся Те Сюань.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Тоба Фэн гнал что есть мочи, спасаясь бегством. Изначально он намеревался как можно скорее доставить Юньци к основным силам Северной армии. Однако на тысячу ли к северу от Шаньдуна не было ни малейшего следа Чжу Ди.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Казалось, почти стотысячная Северная армия исчезла за одну ночь.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Посты на территории Южной армии усилили проверки, и Тоба Фэну ничего не оставалось, как развернуть коня и помчаться на северо-запад.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Юньци, впрочем, не возражал. Он лежал, покачиваясь на спине Тоба Фэна, и то засыпал, то просыпался, пока Тоба Фэн наконец не нашёл момент перевести дух. Он убедился, что оторвался от преследователей, посланных Те Сюанем, и, совершенно измотанный, даже не нашёл укромного места, чтобы немного отдохнуть.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Тоба Фэн подвёл лошадь к дереву и тут же рухнул спать. Почти двое суток он не смыкал глаз, да ещё и весь покрылся ранами, поэтому невероятно устал.

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

Юньци же уже выспался и, видя, что Тоба Фэн лежит без движения, как труп, заскучал. Да ещё и живот урчал от голода. Тогда он прилёг рядом и принялся его дразнить:

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Ши-гэ, ты меня больше не любишь?

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

— Люблю, — пробормотал в полудрёме Тоба Фэн. Обняв Юньци, он прижал его к плечу и похлопал, убаюкивая, словно ребёнка: — Дай ши-гэ немного отдохнуть, совсем нет сил.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Лунный свет струился, словно вода. И человек, и конь изрядно утомились. Юньци вытащил соломинку изо рта постоянно жующей траву лошади и стал тыкать ею в Тоба Фэна. Он чихнул и в самом деле уснул.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё — его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё — его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё — его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё

— его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё — его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

Живот Юньци урчал от голода. Он подобрал пиалу, порылся в свёртке и, увидев, что внутри всё — его любимые блюда, невольно обрадовался. Набрав полную миску, он принялся есть.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

— Даже чашку и палочки не забыл собрать... Дурак, — не сдержав улыбки, пробормотал Юньци.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня, что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня, что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня,

что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня, что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня, что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Это место находилось как раз на границе между Дэчжоу и Нинчжоу, недалеко от владений Чжу Цюаня. Если идти дальше на северо-запад, то можно попасть в места ссылки преступников, изгнанных императорским двором. Ещё в детстве Юньци слышал от Цзян Хуаня, что за Великой стеной бескрайние песчаные бури, зимой лютый холод, а летом знойная жара. Сосланные туда преступники обычно живут не больше нескольких лет, а дети чиновников умирают и того раньше.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Юньци, с удовольствием поедая жареных перепёлок, не мог усидеть на месте и вертел головой по сторонам. Увидев через дорогу крестьянский дом, где в хлеву стояла корова, а во дворе был колодец, он отряхнул одежду и поднялся.

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

Едва он встал, как Тоба Фэн тут же проснулся. Он крепко схватил Юньци за руку и сурово спросил:

— Ты куда!?

— Ты куда!?

— Ты куда!?

— Ты куда!?

— Ты куда!?

— Ты куда!?

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

Юньци вздрогнул от испуга и смущённо ответил:

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

— Еда слишком солёная, я хочу попросить воды.

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

Тоба Фэн вздохнул с облегчением и потер лоб. Видимо, у него болела голова. Согнув ногу, он с трудом поднялся:

— Я сам, не ходи никуда.

— Я сам, не ходи никуда.

— Я сам, не ходи никуда.

— Я сам, не ходи никуда.

— Я сам, не ходи никуда.

— Я сам, не ходи никуда.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— Там корова, я хочу молока, — Юньци явно капризничал без причины.

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— А, — ответил Тоба Фэн. Он на цыпочках перелез через забор крестьянского дома, и Юньци спросил:

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

— Зачем так? Можно же просто постучаться...

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

Тоба Фэн шикнул на него и тихо произнес:

— Это опасно.

— Это опасно.

— Это опасно.

— Это опасно.

— Это опасно.

— Это опасно.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда

Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Тоба Фэн подобрался к коровнику. Корова с закрытыми глазами лениво жевала сено. Тогда Тоба Фэн поставил пустую пиалу на землю, присел на корточки и протянул руку под брюхо коровы, чтобы подоить её.

Но он ничего не почувствовал.

Но он ничего не почувствовал.

Но он ничего не почувствовал.

Но он ничего не почувствовал.

Но он ничего не почувствовал.

Но он ничего не почувствовал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

Тоба Фэн немного подвинулся в сторону, нащупал нужное место и с силой его сжал.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

— Му-у-у! — Корова мгновенно перестала жевать и широко выпучила глаза.

Тоба Фэн равнодушно спросил:

Тоба Фэн равнодушно спросил:

Тоба Фэн равнодушно спросил:

Тоба Фэн равнодушно спросил:

Тоба Фэн равнодушно спросил:

Тоба Фэн равнодушно спросил:

— Ты что, бык?

— Ты что, бык?

— Ты что, бык?

— Ты что, бык?

— Ты что, бык?

— Ты что, бык?

— Юньци, быстро на коня!

— Юньци, быстро на коня!

— Юньци, быстро на коня!

— Юньци, быстро на коня!

— Юньци, быстро на коня!

— Юньци, быстро на коня!

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

Не успел он договорить, как бык пришёл в ярость, развернулся и рогом проломил ограду загона. Тоба Фэн бросился бежать, в панике несясь к Юньци.

«...»

«...»

«...»

«...»

«...»

«...»

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

Юньци ещё не успел понять, что произошло, как Тоба Фэна уже гнали по пятам. Едва добежав до дерева, он схватил Юньци, как цыплёнка, и вскочил на лошадь.

— Му-у-у!!

— Му-у-у!!

— Му-у-у!!

— Му-у-у!!

— Му-у-у!!

— Му-у-у!!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Пошёл!

— Что стряслось?!

— Что стряслось?!

— Что стряслось?!

— Что стряслось?!

— Что стряслось?!

— Что стряслось?!

— Быстрее! Пошёл!

— Быстрее! Пошёл!

— Быстрее! Пошёл!

— Быстрее! Пошёл!

— Быстрее! Пошёл!

— Быстрее! Пошёл!

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

Поводья всё ещё были привязаны к дереву, но Тоба Фэн об этом забыл.

— Кто там?!

— Кто там?!

— Кто там?!

— Кто там?!

— Кто там?!

— Кто там?!

— Воры, крадут корову!

— Воры, крадут корову!

— Воры, крадут корову!

— Воры, крадут корову!

— Воры, крадут корову!

— Воры, крадут корову!

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка, схватила мотыгу у входа и завизжала:

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка, схватила мотыгу у входа и завизжала:

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка, схватила мотыгу у входа и завизжала:

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка, схватила мотыгу у входа и завизжала:

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка,

схватила мотыгу у входа и завизжала:

Несколько криков уже разбудили хозяев дома. В тот момент из хижины выбежала крестьянка, схватила мотыгу у входа и завизжала:

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Муж! Воры пришли красть корову!

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

— Мы не... А-а-а! — в панике закричал Юньци. Лошадь, испугавшись, яростно забила и сбросила Юньци вместе с Тоба Фэном на землю, где они свалились в кучу.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Боевой конь мгновенно порвал поводья и умчался прочь.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

Прекрасно. Едва Юньци поднялся, как на него снова бросился бык, заставив вскрикнуть от испуга. Тоба Фэн поспешно подхватил его и помог забраться на дерево. Среди всей этой суматохи Юньци вдруг услышал до боли знакомый голос.

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Вы, мать вашу, совсем страх потеряли! Посмели сунуться в мой дом...

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

— Чжан Цинь? — удивился Юньци.

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

Из дома выбежал крестьянин с серпом в руке, прикрывая собой женщину. Услышав голос, он с изумлением произнёс:

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

— Юнь-гэ-эр? И... командир? Как вы сюда попали?

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Крестьянка спряталась за спину Чжан Циня. Тот второпях выскочил наружу босиком, в одних холщовых штанах до колен. Мужчина подошёл, отвёл быка и, не в силах поверить, окинул взглядом Юньци и Тоба Фэна.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326096>